

М.З. Изотов
(Алматы, Казахстан)

ПАТРИОТИЗМ КАК ИДЕЙНАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Исторически потребность в «патриотическом преобразовании действительности» зародилась при переходе от традиционных, разрозненных патриархальных общин к современным национальным государствам. С возникновением государственности значительно

сти значительно актуализировалась, но уже на более высоком уровне, проблема определения границ социальности. В условиях существования семьи, рода, патриархальной общины, где все знали всех в лицо и часто находились в кровнородственных связях, границы социальности по сути совпадали с физическими границами, так как «свое» и «чужое» определялось пределами физической достижимости. С созданием государства как большого, политически организованного социального пространства, который охватывает такое количество людей, что личный контакт с ними не всегда представляется возможным, понятия «свой» и «чужой», «мы» и «они» становились далеко не очевидными.

Необходимо было найти иные, более расширенные основания для идентификации. К тому же и сам политический режим (власть), организующий в единое целое это географическое, территориальное и этнокультурное пространство, очень нуждался в легитимации, которая оправдывала бы его в качестве необходимого институционального порядка и придавала бы нормативный характер всем его практическим императивам. Для реализации этих целей была проведена специальная идеологическая работа по конструированию новой общности не только как политического целого, но и как коллективного морального субъекта, по отношению к которому у индивида мог бы появиться моральный долг и эмоциональная привязанность, точно так же как к собственной семье, но уже на более высоком уровне легитимации. Понятия родина, отечество, народ и нация и есть символические обозначения этой новой, социально сконструированной политикокультурной общности. Они суть социальные артефакты, продукты коллективного воображения, направленные на социальное конструирование близости.

Следы работы этого коллективного воображения прослеживаются в определении И. Кантом патриотического образа мыслей. Впервые феноменологический подход к исследованию патриотического сознания применил И. Кант. «Патриотическим называется такой образ мысли, – писал он, – когда каждый в государстве (не исключая и его главы) рассматривает общность как материнское лоно и страну свою как родную почву, на которой и из которой он сам вырос и которую он как драгоценный залог должен оставить после себя для того лишь, чтобы охранять права общности посредством законов совместной воли...» [1, с.80]. Специфику патриотического образа мысли Кант раскрывает через такие ба-

зовые метафоры, выполняющие по сути роль фундаментальных категорий патриотического сознания, как «материнское лоно», «родная почва» и «драгоценный залог». Обращение именно к этим метафорам, как мы попытаемся показать, вовсе не является специфически кантовским видением сути патриотизма, а характеризует как саму специфику патриотического восприятия мира, так и сущностное содержание патриотической картины мира в целом. Здесь «как» и «что» патриотического сознания совпадают и взаимно отсылают друг к другу.

Анализ патриотического восприятия мира должен был показать как из метафорического переноса с телесного на государственное, с частного на общественно-историческое конструируется социальная близость, и как абстрактные, «непонятные», «далекие» объекты – общность, территория, страна, государство – преобразуются в такие близкие, понятные всем конкретные целостности – «мой народ», «родина-мать», «священная земля предков», по отношению к которым у индивида рождается эмоциональная привязанность и моральный долг.

В чем же состоит уникальность бытия патриотической любви как любви долга? О такой любви говорят, когда речь идет о полном и свободном подчинении всех своих целей целям «другого». Другой становится целью целей, т.е. такой целью, которая никогда не может стать средством. Такой высшей целью и ценностью для патриотического сознания выступает Родина, причем под родиной, в зависимости от уровня развития патриотического сознания человека, может иметься в виду и малая родина, и страна, и планета в целом. Во всех случаях эти объекты патриотического сознания будут осмысливаться и переживаться через метафоры материнского лона, родной почвы, драгоценного залога и священного региона. Таким образом, *патриотизм можно определить как такую любовь к родине, которая в то же время есть долг, т.е. не только как сильная эмоциональная привязанность к родным местам, истории своего народа и т.д., но и как деятельная забота о благе родины как высшей цели и ценности, определяющей смысл жизни вообще.*

Построение новой реальности является одной из самых важных метафорических функций. Патриотическая картина мира состоит из группы метафор, через призму которых концептуализируется определенная социальная конструкция, некая специальная модель отношений между индивидом и обществом, между гражд-

данином и государством, между личностью и централизованной идеологической системой. Наиболее основательную теоретическую разработку патриотическая модель социальной реальности получила в философии немецкого романтизма. Мы не будем здесь подробно излагать романтическую теорию общества и государства; проводить анализ основных положений этой теории. Здесь же отметим лишь некоторые ключевые темы этой философии.

Народ и государство рассматриваются в романтизме в их органической связи как «естественные продукты» природы. Этим «продуктам природы» свойственна особая духовная конституция, подобная врожденным способностям человека. На этой духовной конституции или общем духе должна покоиться религия, государственный строй, общественная, хозяйственная и личная жизнь, искусство, философия и наука. Как органические сущности, нации и государства рождаются спонтанно, целиком и постепенно разворачиваются, подобно росту цветка. Дух народа образует субстанциальное основание индивида и государства. Семья образует зародышевую клеточку государства и национального духа. Лишь организованное по модели семьи государство может основываться на любви к отечеству и тем самым на духе народа. Центральным в романтизме является представление о государстве как организме. Если в организме каждая его часть является необходимым моментом целого и служит ему, так же как и организм служит ей, то и каждый член семьи, каждый гражданин и сословие являют собой одновременно обуславливающее и обусловленное, что образует связь более высокого порядка. В этой органической общей сущности исчезает абстрактная безразличность людей, и на ее место заступает конкретное отношение. Подлинная свобода возможна лишь в этом связанном с народом конкретном отношении. Если каждый понимает свое участие в государстве в то же время как часть своей собственной жизни, то любовь к отечеству становится настоящим патриотизмом.

Патриотизм, его ценности, символы, ритуалы и практики можно назвать, своеобразной «эстетизацией политики». Родина, как объект патриотических чувств, представляет собой идеал красивого и любимого сообщества – в отличие от идеала сообщества прозрачного и рационального, которым является гражданское общество. Родина – это наш мир, обширный мир природы, соотечественников, языка, обычаев, духовной культуры, государства, религии; это и памятники былой славы, национальные мифы, как

фольклорного происхождения, так и разработанные средствами искусства; это и знаки государственно-патриотической символики: знамена, гербы, гимны и многое другое. Все они вместе образуют обширный символический мир патриотического сознания. Этими символическими конструкциями не только заданы границы использования понятия «патриотизм», но и существование в каждом конкретном случае различных его моделей (интерпретаций): готовность защиты «большой» родины и любовь к «малой» родине; воинствующий «патриотизм» экспансии и «мирный» патриотизм как глубоко личностная эмоция; идея «жертвы» во имя родины и идея «последовательного строительства» этой родины и многое другое. При этом все эти лики патриотизма представляют собой как бы индивидуальные наполнения той «общей схемы» патриотизма.

При всем многообразии индивидуальных проявлений патриотических чувств, все существующие сегодня модели патриотизма по сути можно свести к двум основным типам: 1) патриотизм как идеальное состояние локального, как эмоциональную интенцию, тесно связанную с идеей «отчего дома», «крови», «почвы», с романтизированным, внерефлексивно-пристрастным отношением к «корням» и преданностью исконным ценностям-началам; 2) и патриотизм как фетиш государственности, как осознанную программу целенаправленного идеологического воздействия на умы людей и на социально-политическое бытие общности в целом, с целью решения государственных задач. Первый тип патриотизма условно можно назвать народно-романтическим, а второй – державно-государственническим.

Это различие просматривается почти во всех культурах. Так, например, в истории немецкой культуры имперская патриотическая риторика *Vaterland* всегда противостояла поэтизации локальных патриархальных отношений в риторике *Heimat*. Подобные отношения можно усмотреть между державноимперской фразеологией российского Отечества или великой социалистической Родины, с одной стороны, и поэтизацией малой родины, родной сторонки в русских практиках, с другой. Между этими конструкциями есть существенные различия (о которых мы будем говорить ниже), но они взаимно «подпитывают» друг друга. Идеология национального государства легко «приватизируется», трансформируясь в ностальгию по отчужденному дому, а последняя не менее легко «обобществляется» и принимает государственнические, изоляционистские, фундаменталистские коннотации.

«Романтический» патриотизм в целом базируется на идеях «непреходящей народной мудрости», которую народ впитывает из «почвы» и которая дает ему силы в трудную годину. Сущностью народа и народности в этой модели являются язык и ценности традиционной культуры. Центр, в котором они сохранились в неприкосновенности, – сельская патриархальная община, потому для «романтического патриотизма» столь характерна идея «хождения в народ».

Впервые «романтический» тип патриотизма получил концептуальное оформление в немецкой романтической концепции народности, первоначально возникшей в искусстве и литературе конца 18-начала 19 веков, но постепенно ставшей фундаментальной концепцией политической философии, получившей развитие, прежде всего, в Германии.

На чем основывается патриотизм как факт человеческой жизни и нравственная ценность с точки зрения «концепции народности» немецкого романтизма? Символический мир патриотического сознания, считают сторонники этой концепции, образует только верхушку айсберга, каким является образ родины в сознании соотечественников. Основной массив скрыт в глубине, в него входят не только представления о своей стране как своего рода собственности, «принадлежащей» мне как члену национального коллектива, но и древний, могучий этноцентризм, понимаемый как народолюбие или, говоря точнее, народное самолюбие. Именно он образует чувство родины, интуитивное, слабо оформленное, но имеющее глубокие и крепкие корни.

Народ в немецком романтизме рассматривается как субстанциальная, в истоках своих, природная общность, объединяемая общей судьбой. Внутренние социальные различия в этой субстанции не столь существенны, на первый план выступают общность языка и духовного склада. Народ – это не совокупность индивидов, объединенных в гражданское общество, как считали французские просветители, а проходящий различные фазы развития коллективный организм, сущность которого получает в романтизме порой мистическое толкование.

Решающее значение для формирования такого подхода имели работы И.Г. Гердера, многие идеи которого нашли практическое выражение в творческой программе «Буря и натиск». Именно И. Гердер и его последователи впервые крепко-накрепко связали понятие Родины (Отечества) с конструкциями языка,

истории, литературы, а вновь изобретенное понятие народности – с фольклором.

Философия истории Гердера проникнута идеей своеобразия различных эпох и цивилизаций, стремлением понять их как целостные культурно исторические миры, вырастающие на определенной национальной почве из переплетения специфических природных условий и культурных традиций.

В этом смысле различные этапы и формы развития культуры для него оказываются самоценными и ценность их состоит в возможно более полном выражении сил ума и воображения, дающим человеческим способностям адекватную их уровню и состоянию внешнюю форму. Именно благодаря Гердеру и «штюрмерам» в философии, эстетике, литературоведении, художественной критике, прочно закрепляются такие понятия как «народная поэзия», «народный поэт», «народное искусство».

Искусство «образованного общества» Гердер рассматривает не как результат открытия «просвещенным разумом» идеальных законов прекрасного, а как результат длительного развития народа и его культуры. В этом развитии народному искусству (народной поэзии) отводится совершенно особое место, которое определяется двумя основными тезисами. Первый из этих тезисов состоит в трактовке народной поэзии (народного искусства) как некой «исходной формы» поэзии (искусства) вообще. В этом смысле первоначальное творчество народа рассматривается в качестве источника и почвы всякого художественно-эстетического развития. «Не подлежит сомнению, – писал Гердер, – что поэзия, и в особенности песня была, в начале, целиком народной... Величайший певец греков, Гомер, является одновременно величайшим народным поэтом» [2, с.72].

Вполне в духе немецкого романтизма определяет сущность родины и А.Н. Толстой. Говоря о патриотизме как о стержне национального самосознания, пронизывающем издревле родную культуру, он пишет: «Родина – это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это – вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущих свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле» [3, с.75].

Таким образом, именно народ, народность и народный дух, образуют в романтизме первоначала человеческого существо-

вания. Единение человека с его народом получает свое высшее выражение в государстве. И когда это государственное единение людей творится, движимое любовью и волею к народному духу, то патриотизм придает душе всю силу, необходимую для героической обороны своей родины. С этих позиций романтизм критикует просветительское представление о природе государства, основанного на договорных началах. Договорное объединение есть не что иное, как ассоциация независимых индивидов, каждый из которых имеет свои собственные интересы, желания, планы и определенные суждения. Сотрудничество, конечно, соединяет их усилия, но не сливает их в единое общество. Романтики считают абсурдным сводить подчинение граждан величию государства, к такого рода, договору. При таком отношении к государству – верность, честь, любовь к народу уходит на второй план, а на первом будет стоять своекорыстный интерес.

Согласно философской традиции немецкого романтизма общество подобно живому организму, «части» которого сливаются в целое и существуют для целого. Организм есть взаимосвязанная система частей, каждая из которых подчинена интересам общего живого целого. Это настоящая субординация, а не равенство, между частями. Мозг отдает команды, которые нервы передают в мускулы. Если жизнестойкость организма позволяет, части могут быть ампутированы или удалены, поскольку каждая часть существует ради целого, а не ради себя. Смысл существования и цель существования подданных государства проистекают из той роли, которую они играют в общей целостности: правитель, как мозг, отдаст команды, которые его подчиненные обязаны выполнять.

В метафорах и образах романтической патриотической картины мира живет невероятной силы мобилизующий, единящий политический потенциал. Отсюда неудивительно, что эксплуатация патриотических чувств, порожденных романтизированными представлениями о родине, становится закономерной политикой любого государства, в которой правящая элита, обладающая политической властью, сливаясь с интеллектуальной элитой, обладающей символической властью, целенаправленно используют патриотические ценности для достижения как государственных, так и собственных, благовидных и не очень благовидных, целей. Идеал сильной государственной власти традиционно занимает центральное место в системе ценностных установок официального патриотизма. Он воплощается в идеале державности, который многие и сегодня

ня полагают необходимым компонентом общенациональной идеи. Традиционный идеал державности включает два главных смысловых аспекта. Во-первых, это – представление о государстве как великой державе, которая благодаря своей военной мощи определяет судьбы других стран и народов. Во-вторых, это – представления о сильной централизованной авторитарной власти, которая держит в узде своих подданных и наводит порядок в стране.

Исторически, на практике, державно-государственный патриотизм начал формироваться в ходе решения важнейшей задачи по осуществлению самостоятельного контроля над территорией максимально большой протяженности, с четко установленными границами, занимаемым однородным населением. Как эффективно можно достичь такого контроля с помощью самого населения? Политическая власть здесь как раз и обращается к власти символической (к интеллектуальной элите), чтобы с ее помощью как можно успешно подвергать патриотизм народных «низов» к сакрально – элитарной идеологии правящих «верхов», т.е. к представлениям власти о крепости, славе, величии и исторической миссии своего государства. Цель этого своеобразного «симбиоза» – сформировать такую установку в сознании масс, главными элементами которого были бы: 1) сакральное отношение к власти; 2) жертвенно-аскетическое отношение народа к государству; 3) убеждение, что укрепление и расширение державы есть высшая цель и назначение подданных; 4) устойчивый и долгосрочный военно-мобилизационный настрой по отношению к опасности агрессии со стороны других государств и т.д. Такими, в основных чертах, были политические устремления формирующегося державно-государственного патриотизма, ставшие, впоследствии, парадигмальной основой абсолютистских идеологий централизованных монархий. Механизм конструирования этого типа патриотизма – легитимация «нового» путем эксплуатации «старого», привычного. С этой целью символические элиты обращаются к романтизированным «мифологиям» патриотического сознания, наделяя их необходимым для насущных целей содержанием. «Самыми типичными стратегиями конструирования – отмечает в этой связи П. Бурдьё, – являются те, которые нацелены на ретроспективное реконструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего» [4, с.56]

Государственный патриотизм ассимилирует ценностно-эмоциональные характеристики общности (язык, миф, религиоз-

ную идентичность и др.) и использует в прагматических целях. Примечательно, что члены общности при этом не видят конструирующего (собственно-идеологического) элемента: они фиксируют свое политическое самосознание на патриотических (романтико-националистических) параметрах. Отсюда – пристрастность, эмоциональность в отношении прошлого и настоящего своей страны. Эта пристрастность и используется элитами, обладающими символической властью, а также государством как точкой пересечения этих элит, в собственных – благовидных и не очень благовидных – целях. Неудивительно, что именно романтический патриотизм, густо замешанный на идее «крови», «почвы», «родных корней», пассионарно-жертвенный по самой своей сути, способен мобилизовать массу на пути достижения государственной независимости, сплотить ее в органическую целостность. В этом смысле патриотизм является необходимой частью любого интегративного сознания, для которого интересы государства, нации, общности выше, чем интересы индивида или какой-то группы.

Какие важнейшие функции в строительстве национального государства выполняет патриотизм? В качестве такового он отвечает: во-первых, за организацию целостности и единства коллектива через самоидентификацию индивида с социальной общностью, с государством, с природой, с историческими событиями, ради осознания себя частью единого живого целого организма. Патриотические ценности выступают здесь как основной способ социальной связи между людьми, форма организации и регуляции, которая позволяет осуществлять совместные действия по достижению целей своего существования. Во-вторых, патриотизм создает яркие образы на базе общих коллективных ощущений народа, заряжая людей невероятной уверенностью и энтузиазмом в коллективной деятельности, требует подтверждения этой абсолютной веры и полного самопожертвования человека. Возникая на эмоционально – деятельностной основе, патриотизм в определенные периоды принимается как единственная надежда, наполняющая смыслом коллективное действие. Так, например, абстрактный общественный долг приобретает благодаря патриотизму облик поэтически очеловеченной, зовущей на подвиг Родины-матери, государственная служба уподобляется служению «отцу» – Отечеству, и эти отвлеченные общественные обязанности становятся понятны с простой человеческой точки зрения, применимы к масштабу одной жизни, сопоставимы с размерами личной памяти, с

опытом детства и юности, с ценностями частного, индивидуально-го существования. В-третьих, патриотизм существенно необходим для стабилизации существующего положения вещей как вечных и неизблемых, для оправдания и легитимации сложившихся систем власти, социально-политических институтов, для освящения их духовной санкцией, а также для поддержания порядка. Патриотизм выступает здесь как метод и содержание идеологически – латентного воздействия на общественное сознание.

Именно распространение воинствующего, «державно государственнического патриотизма» в Европе в середине и конце 19-го века заставило великого русского писателя Л.Н. Толстого обратиться к миру с призывом осудить патриотизм как «пережитка варварских времен». В своей известной статье «Патриотизм или мир» он считает, что соединить патриотизм и мир так же невозможно, как, в одно и то же, время ехать кататься и оставаться дома. Чтобы не было войны, считает он, нужно уничтожить то, что производит войну; « производит же войну желание исключительного блага своему народу, то, что называется патриотизмом [5, с.38].

После двух мировых войн в 20-м столетии, унесших десятки миллионов человеческих жизней, эти призывы Л.Н. Толстого кажутся очевидными для всякого здравомыслящего человека. Принятие в 1948 году ООН «Всеобщей декларации защиты прав человека», казалось бы, должно было поставить надежный заслон на пути всякого агрессивного, державного патриотизма. Патриотизм мирных граждан вовсе не отвергается в Декларации, а подчиняется универсализму прав человека. В этом случае индивид понимает свою патриотическую общественную обязанность как политическую ответственность без какой-либо скрытой агрессии, направленной вовне. Но если универсалистские принципы, т. е., прежде всего, права человека, воспринимаются лишь как внутренние и универсализм заканчивается у государственных границ, то перед нами – именно тот классический державно-государственнический патриотизм, который так возмущал Л.Н. Толстого. Оказывается, всегда возможно объединить, большое количество людей, если только кто-то другой превращается в объект выражения агрессии. Если вспомнить войну за Фолклендские острова в 1982 году и то патриотическое воодушевление, которое она разожгла в Великобритании, то нам легко становится понятным, насколько эта установка распространена еще и сегодня, даже среди людей, считающих себя демократами

и обладателями правового государства и не обладающих особо выраженной этнической компонентой.

Современный мир, на наш взгляд, ориентирует индивидов на соединение патриотизма и гражданственности, т. е. на способность гибко сочетать универсальность и чувство гражданина мира с приверженностью интересам своей страны, с уважением к ее прошлому и настоящему. В принятом в 2004 году законе «О Государственной молодёжной политике в Республике Казахстан, а также в разработанной Министерством образования и науки РК и утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 10 октября 2006 года № 200 «О Государственной программе патриотического воспитания граждан Республики Казахстан на 2006-2008 гг. говорится как о привлечении молодежи к участию в делах государства через формирование общественных организаций, призванных объединить молодежь для активного освоения новых принципов демократии, так и об усилении идей патриотизма и гражданственности.

В Казахстане есть достаточно позитивные примеры реализации идей государственного масштаба, прежде всего идеи казахстанского патриотизма. Это, прежде всего государственно-правовая реализация и оформление идеи независимости, что сделало этот процесс необратимым, практическое воплощение идеи межэтнического согласия, развертывание и перевод в практическую плоскость идеи модернизации Казахстана как демократического и правового государства, страны с рыночной экономикой. Эти примеры создают хорошую ресурсную базу для идентификации современного казахстанского общества, развития национальной идеи.

Нам весьма импонирует подход Президента Н.А. Назарбаева в отношении национальной идеи как императива консолидации. По его мнению, национальная идея не может быть сформулирована, когда существуют условия, подавляющие «разномыслие». Она может быть «построена, прежде всего, на четком понимании своей национальной идентичности. Она вызревает в самом обществе. Она не носит навязанный характер. Она является продуктом понимания своих национальных задач миллионными людьми, а не откровением идеологических жрецов». В основе формирования национальной идеи, по мнению Президента Н.А. Назарбаева, должно лежать новое прочтение нашей собственной истории. Это означает «осознание своей собственной

роли в тысячелетней истории этноса», умение видеть «смысл национального исторического факта не в поиске архаики, как бы мила она ни была сердцу, но в нахождении вполне современных мотивов, понятых и доступных сознанию современного казаха, мотивов, определяющих его сегодняшнее поведение». Отсюда следует принципиальной важности вывод, что «осмысление национальной истории в координатах двадцать первого века есть первый шаг к формулировке национальной идеи, а никак не наоборот». Второй шаг – это увидеть в истории «проекцию будущего», т.е. понимать, что «казахская история не есть кладбище фактов, это огромная мотивирующая и объяснительная сила». Н.А. Назарбаев подчеркивает, что «формула национальной идеи лежит в пространстве национальной истории. Искать её в иных полях, значит неизбежно скатиться в очередную универсальную конструкцию, будь-то либеральная или тоталитарная утопия». И когда он говорит, что «мы должны построить, общество, где ценят честь, достоинство и репутацию каждого, где присутствует высокая мораль, эстетические стандарты и духовные ценности», или предлагает считать, что «главная национальная идея заключается в конкурентоспособности нации», в этом заложен большой позитивный смысл и патриотическое содержание [6].

Таким образом, для Н.А. Назарбаева национальная идея – это не идеологический механизм принуждения к единству, подавления инакомыслия и свободы выбора. Он видит в ней живительный источник самопознания, самоопределения обществом, народом, этносом, индивидом самих себя, своего прошлого, настоящего и будущего, их развития и совершенствования, создания лучшей жизни для каждого на основе реальных, а не выдуманных ценностей. Если, исходя из этих положений, попытаться сформулировать национальную идею, то на наш взгляд, можно предложить такой ее вариант: от благосостояния каждого к общему благу. Духовность. Справедливость. Включенная в систему патриотического воспитания она может сыграть роль мощного мотивационного источника, ориентирующего граждан страны на служение Народу и Отечеству.

В условиях современного Казахстана утверждение патриотических оснований общественной жизни органично совпадает с развертыванием механизмов политической и социальной демократии, развитием социальной субъектности граждан, их самостоятельности и ответственности, превращением прав и свобод

человека в повседневную норму, формирующую условия и способности его самореализации. В такой ситуации необходимо глубочайшее осмысление и позитивное овладение всего культурного и духовного опыта совместной жизни различных этнических общностей населения Казахстана. И чтобы понять и раскрыть в себе гражданина-патриота, стать активным субъектом и участником происходящих событий, необходимо научиться не просто слушать, но и обрести умение слышать, не просто смотреть, но и обрести умение видеть, со-переживая, со-чувствуя, со-страдая и со-радуясь всему, что происходит в окружающем нас беспокойном мире. При этом память о протекших временах не должна разделять людей и возводить между ними границы недоверия и неприязни. И чтобы в полной мере соответствовать будущему следует освободить себя от стереотипов превосходства и комплекса неполноценности, кичливости и униженности, победителя и побежденного, чтобы, освещая светом своей духовности, своей очищенной души окружающее социальное пространство и источая свободу, и душевную искренность в общении с другими людьми, консолидировать их на созидание подлинно человеческой Родины. И любить свою Родину, прошлое своей страны, своего народа, какое бы оно ни было, утверждать настоящее на основе взаимной Любви, и верить в будущее. Тогда само понятие патриотизма для каждого гражданина страны обретет личностный смысл и станет мощной созидательной силой общественного обновления.

Литература

1. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.4, ч.2.– М: Мысль, 1963.
2. Гердер И.Г. Избранные сочинения, – М.-Л., 1959.
3. Толстой А.Н. Родина // Толстой А.Н. Собр.соч, в 10 т. Т.10.М.,1961.
4. Бурдые П. Начала. – М., 1994.
5. Толстой Л.Н. Патриотизм и мир // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 30-тит. – М.-Л. 1928-1958., Т.39.
6. Проблемы формирования общеказахстанского патриотизма // журнал «Байтерек», №5, 2009.